

Василиса Прекрасная

В одном государстве жил купец. Двенадцать лет был он в браке, и родилась у него лишь одна дочь, Василиса, красоты неописуемой. Когда девочке исполнилось восемь лет, мать ее смертельно занедужила. Перед кончиной призвала она Василису, достала из-под одеяла куклу, вручила ей и наказала:

— Слушай, Василисушка, запомни мои последние слова. Покидая этот мир, оставляю я тебе родительское благословение и эту куклу. Храни ее при себе и никому не показывай. Если случится горе, накорми ее и спроси совета. Поест она и подскажет, как беду отвести.

Произнеся это, мать поцеловала дочь и скончалась. Покуда купец горевал, а после задумался о новой женитьбе. Выбор его пал на одну вдову, у которой были две дочери, почти ровесницы Василисе. Подумал купец, что та и хозяйка опытная, и мать доброй будет. Но обманулся в своих ожиданиях: мачеха и ее дочки возненавидели Василису за ее красоту. Они завалили ее работой, надеясь, что от трудов она похудеет, а от солнца и ветра почернеет. Однако жизнь девочке была не в тягость.

Василиса все сносила безропотно, и с каждым днем становилась все краше и краше. А мачеха с дочерьми, хоть и сидели без дела, от злобы лишь дурнели и хирели. Помощь Василисе оказывала та самая мамина куколка. Часто Василиса оставалась голодной, но куколке всегда приберегала самый вкусный кусок. Вечером, укрывшись в своей каморке, она кормила ее и приговаривала:

— На, куколка, покушай, да мое горе послушай! Живу я в доме отца, не ведаю радости; злая мачеха изводит меня. Научи, как быть и что делать?

Куколка, подкрепившись, давала ей мудрые советы и утешала, а наутро сама всю работу за Василису делала: и грядки полет, и воду принесет, и печь истопит. Указала она ей даже траву, что от загара спасала. Хорошо жилось Василисе с своей советчицей.

Шли годы, Василиса выросла, и женихи со всего города засватываться к ней стали. На дочерей мачехи и взглянуть никто не хотел. Та злилась еще пуще и всем отказывала:

«Не отдам младшую, пока старшие замуж не вышли!»

А зло мачеха вымешала на падчерице побоями. Однажды купцу потребовалось надолго уехать по делам. Мачеха же тем временем перебралась в дом на опушке дремучего леса, где в избушке на поляне обитала баба-яга. Никого к себе не подпускала старуха и людей пожирала. Мачеха то и дело посыпала Василису в лес,

надеялась, что та не вернется, но куколка всякий путь ей указывала и от избушки бабы-яги сторониться вела.

Настала осень. Велела мачеха трем девушкам работу на ночь сделать: одну кружева плести, другую чулки вязать, а Василису — прядь. Погасила во всем доме огонь, оставив одну свечу, и спать улеглась. Девушки трудились. Свеча нагорела, и одна из сестер, будто нечаянно, щипцами ее затушила.

— Что ж теперь делать? — заговорили они. — **Во всем доме огня нет, а работа не доделана. Придется к бабе-яге за огнем бежать!**

— **Мне от булавок светло,** — сказала кружевница. — **Я не пойду.**

— **И я не пойду,** — сказала та, что чулки вязала. — **Мне от спиц светло!**

— **Тебе идти!** — крикнули обе сестры и вытолкали Василису из горницы.

Отправилась Василиса в свою каморку, поставила перед куклой ужин и молвила:

— **На, куколка, покушай, моего горя послушай: посылают меня за огнем к бабе-яге; съест она меня!**

Куколка поела, и глаза ее засветились, словно две свечи.

— **Не страшись, Василисушка!** — молвила она. — **Ступай, куда послали, только меня при себе держи. Со мною ничего с тобой у бабы-яги не станется.**

Пошла Василиса в темный лес, дрожа от страха. Вдруг видит: скачет мимо всадник, весь в белом, на белом коне — и на дворе стало рассветать. Идет дальше — другой всадник, весь в красном, на красном коне — и взошло солнце. Шла она всю ночь и день, и только к вечеру следующего дня вышла на поляну, где стояла избушка бабы-яги. Ограда вокруг — из костей человеческих, на кольях — черепа с горящими глазами; ворота — с ногами вместо столбов, с руками вместо засовов, а замок — с острыми зубами. От ужаса Василиса замерла. Вдруг едет третий всадник, весь в черном, на вороном коне; подскакал к воротам — и пропал, будто сквозь землю провалился, и наступила ночь. Но длилась она недолго: глаза на черепах засветились, и на поляне стало светло как днем.

Вскоре послышался в лесу грохот: это ехала баба-яга — в ступе, пестром погоняет, помелом след сметает. Подъехала к воротам, понюхала воздух и закричала:

— **Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?**

Василиса, трепеща, подошла и низко поклонилась:

— **Это я, бабушка! Прислали меня мачехины дочки за огнем.**

— Ладно, — прохрипела яга, — знаю я их. Поживи-ка у меня, поработай, тогда и огня дам. А не справишься — съем!

Повернулась баба яга к воротам и скомандовала:

— Запоры мои крепкие, отомкнитесь! Ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, баба-яга въехала, за ней вошла Василиса, и все захлопнулось. Войдя в горницу, яга повалилась на лавку и приказала:

— Подавай, что в печи есть! Есть хочу.

Василиса зажгла лучину от черепов и стала подавать яге яства и питье, а та все слопала и осушила, оставив Василисе лишь крохи. Стала старуха спать укладываться и говорит:

— Завтра я уеду, а ты двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да сходи в закром, возьми четверть пшеницы и очисть от сорной травы. Чтоб все было сделано, не то — съем!

Храпеть баба-яга зачала, а Василиса выставила перед куклой обьеидки, заплакала и говорит:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Задала баба-яга работу неподъемную, грозится съесть. Помоги!

Кукла ответила:

— Не бойся! Поужинай, помолись Богу да спать ложись; утро вечера мудренее!

Проснулась Василиса на рассвете, а баба-яга уж у ворот, свистнула — и явилась перед ней ступа. Взошло солнце, и укатила старуха. Осталась Василиса одна, глядит — а вся работа уже сделана: куколка выбирала из пшеницы последние зернышки сорной травы.

— Ах, ты, моя избавительница! — воскликнула Василиса.

— Обед состряпать осталось, — ответила куколка, прыгая в карман. — С Богом за дело, а после отдохнешь.

К вечеру Василиса накрыла на стол. Вернулась баба-яга.

— Все ли сделано? — спрашивает.

— Посмотри сама, бабушка, — отвечает Василиса.

Осмотрела яга все, досадуя, что придаться не к чему, и крикнула:

— Верные мои слуги, други сердечные, смелите пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли. Наевшись, баба-яга спать улеглась и снова приказала Василисе:

— Завтра сделай то же, да сверх того возьми мак из закрома и очисть его от земли по зернышку.

Утром баба-яга снова уехала, а Василиса с куколкой всю работу исправили. Вернулась старуха, оглядела все и крикнула:

— Верные мои слуги, други сердечные, выжмите из маку масло!

Три пары рук явились, схватили мак и скрылись. За обедом молвила яга Василисе:

— Что ж молчишь? Спроси о чем-нибудь.

— Позволишь, бабушка, спросить? — робко сказала Василиса.

— Спрашивай, да знай: много будешь знать — скоро состаришься!

— Когда я шла, обогнал меня всадник на белом коне, сам белый. Кто он?

— Это день мой ясный, — ответила яга.

— А другой всадник, на красном коне?

— Это солнышко мое красное!

— А черный всадник, что у ворот твоих промчался?

— Это ночь моя темная — все слуги мои верные!

Василиса вспомнила три пары рук и смолчала.

— Что ж не спрашиваешь больше? — сказала яга.

— Будет с меня; сама говорила, много узнаешь — состаришься.

— Хорошо, — одобрила баба-яга, — что спрашивала только о том, что за воротами, а не во дворе! Сор из избы выносить не люблю, любопытных ем! А скажи-ка, как ты работу так споро управляешь?

— Помогает мне благословение матери моей, — ответила Василиса.

— Так вот что! Убирайся же от меня, благословенная! Не нужны мне такие!

Вытолкнула она Василису за ворота, сняла с забора череп с пылающими глазами, наткнула его на палку и подала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек. Бери!

Побежала Василиса домой при свете черепа, что погас лишь с рассветом, и к вечеру следующего дня добралась до дома. Хотела было череп бросить, но услышала из него голос:

— Не бросай, неси к мачехе!

Взглянула она на дом и, не видя в окнах огня, пошла туда. Встретили ее ласково и рассказали, что с ее ухода огня в доме добыть не могли: свой не высекался, а чужой гас на пороге.

— Авось, твой огонь удержится! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу, и глаза его так и впились в мачеху и ее дочерей, так и жгли их! Кинулись они прочь, но глаза повсюду следовали за ними; к утру все они обратились в пепел. Лишь Василиса не тронута была.

Наутро Василиса зарыла череп, заперла дом и пошла в город, поселившись у одной безродной старушки. Скучая без дела, попросила она купить ей льну лучшего. Села за пряжу, и работа у нее так и спорилась. Пряжа выходила тонкая, ровная, словно волос. Напряла она много, а ткать не на чем — нет таких берд, что подошли бы к ее тонкой пряже. Помогла ей куколка, смастерив за ночь чудесный станок. К весне выткала Василиса полотно такое тонкое, что сквозь иглу продеть можно было.

Велела она старушке нести полотно во дворец. Увидел его царь и диву дался.

— Что хочешь за него? — спросил он.

— Цены ему нет, государь, дарю, — ответила старуха.

Поблагодарил царь и отпустил ее с дарами. Велел он сшить из того полотна сорочки, но никто из швей за работу браться не смел. Призвал тогда царь старуху и велел, чтобы искусница, что полотно соткала, и сорочки сшила. Вернулась старуха и рассказала все Василисе.

— Я знала, что до этого дойдет, — сказала Василиса.

Заперлась она в горнице и вскоре сшила дюжину сорочек. Понесла старуха их царю, а Василиса умылась, принарядилась и села у окна в ожидании. Вскоре явился царский слуга с приказом явиться во дворец искуснице. Как увидел царь Василису Прекрасную, так сердцем к ней и прикипел.

— Нет, красавица, не расстанусь я с тобой! Будь моей женой, — молвил он.

Взял он Василису за белые руки, усадил рядом с собой, и вскоре сыграли пышную свадьбу. Вернулся отец Василисы, обрадовался счастью дочери и остался

жить при ней. Забрала Василиса к себе и старушку-хозяйку, а куколку до конца дней своих в кармане носила.

https://megaskaz.ru/